

ВСЕРОССИЙСКАЯ ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ
ПО ЛИТЕРАТУРЕ. 2015–2016 уч. г.
ШКОЛЬНЫЙ ЭТАП. 9 КЛАСС

Часть I. ТВОРЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ (30 баллов)

Прочитайте отрывки из статьи М.И. Цветаевой «Пушкин и Пугачёв». Ответьте на вопросы.

- 1) (12 баллов) *Почему, по Вашему мнению, Цветаева сравнивает Гринёва с Пушкиным? Согласны ли Вы с этим сопоставлением? Обоснуйте Ваш ответ.*
- 2) (12 баллов) *Согласны ли Вы с мнением Цветаевой о том, что Пугачёв зачаровал и Пушкина, и Гринёва и что между Пугачёвым и Гринёвым возникло что-то похожее на отцовскую и сыновнюю любовь? Обоснуйте Ваш ответ.*
- 3) (6 баллов) *Какие стилистические приёмы (например, экспрессивный синтаксис) помогают Цветаевой выразить свою мысль о динамике и текучести человеческих чувств?*

Объём ответа на каждый вопрос – 5–10 предложений.

При оценивании учитываются связность, доказательность, логичность, аргументация (с опорой на текст), язык и стиль, а также грамотность.

Марина Ивановна Цветаева (1892–1941)

«Гринёв Пугачёву нужен ни для чего: для души. Так цыгане любят белых детей. Так русский царь любил арапа Ибрагима. Так Николай I *не* полюбил Пушкина.

Есть в этом диалоге жутко-автобиографический элемент:

Пугачёв – Гринёву: – А коли отпущу, так обещаешься ли ты, по крайней мере против меня не служить? – Как могу тебе в этом обещаться?	Николай I – Пушкину: – Где бы ты был 14-го декабря, если бы был в городе? – На Сенатской площади, Ваше Величество!
---	--

Та же интонация страстной и опасной правды: хождения бездны на краю. В ответах Гринёва мы непрерывно слышим эту интонацию, если не всегда в кабинете монарха звучавшую, то всегда звучавшую – внутри Пушкина и уже, во всяком случае, – на полях его тетрадей.

Только Гринёву было тяжелее сказать и сделать: от Пугачёва – отказаться. Гринёв Пугачёву был благодарен – и было за что. Пугачёвым Гринёв с первой встречи очарован – и было чем. Ответ Гринёва – долг: отказ от любимого.

Пушкин Николаю ничем не был обязан, и Пушкин в Николае ничем не был очарован: не было – чем. Ответ Пушкина Николаю – чистейший восторг: отместка нелюбимому.

И, продолжая параллель:

Самозванец – врага – за правду – отпустил.

Самодержец – поэта – за правду – приковал.

Пугачёв Гринёву с первой минуты благодетель. Ибо если Пугачёв в благодарность за заячий тулуп дарует ему жизнь и отпускает на волю, то сам-то Гринёвский тулуп – благодарность Пугачёву за то, что на дорогу вывел. Пугачёв первый сделал Гринёву добро.

Вся встреча Гринёва с Пугачёвым между этими двумя жестами: сначала на дорогу вывел, а потом и на все четыре стороны отпустил.

– Вожатый!

Но помимо благодарности Гринёва – Пугачёву, помимо пугачёвской благодарности и благородства, Пугачёв к Гринёву одержим отцовской любовью: любовью к невозможному для него сыну: верному долгу и роду – «беленькому». (Недаром, недаром тот первый вещий сон Гринёва о подменном отце, сон, разом дающий и пугачёвскую мечту об отцовстве всея России, и пугачёвскую мечту о Гринёве – сыне.)

Любовь Пугачёва к Гринёву – отблеск далёкой любви Саула к Давиду, тоже при наличии кровного сына, любовь к сыну по избранию, сыну – души моей... Ибо после дарования жизни уже дары: простые, несчётные дары любви. Пугачёв на дары Гринёву ненасытен: и фельдмаршалом тебя поставлю, и в Потёмкины (князья) произведу, и посажёным отцом сяду, и овчинный тулуп со своего плеча – взамен того заячьего, – и коня – и потерянную тем урядником полтину в дорогу дарит, и в дорожную кибитку с собой сажает, и даже дядьке Савельичу позволяет сесть на облучок (за что, скажем в скобках, тот желает ему сто лет здравствовать и обещает век за него Бога молить...) – и Марью Ивановну из темницы выручает, простив Гринёву его невинный любовный обман... Но здесь – остановка.

Когда уличённый во лжи Гринёв признаётся, что Марья Ивановна не племянница попа, а дочь убитого Пугачёвым коменданта: «Ты мне этого не сказал, – заметил Пугачёв, у коего лицо омрачилось». Почему «омрачилось»? Да не потому, конечно, что Марья Ивановна дочь того, а не племянница другого, а потому, что Гринёв ему солгал, себя, в его глазах, ложью уронил, и – главное, может быть – ему, Пугачёву, не доверился. Но и это сходит – как сходило всё, и что не сошло бы! – и Пугачёв просится к Гринёву в посажёные отцы. И – возобновляем перечень даров – рука дающего да не скудеет: просится к Гринёву в посажёные отцы, и выдаёт ему пропуск во все заставы и крепости, ему подвластные, и, простившись с ним на людях, ещё раз высовывается к нему из кибитки: «Прощай, ваше благородие!» И – последний дар любви на последней странице повести –

«Из семейных преданий известно, что он присутствовал при казни Пугачёва, который узнал его в толпе и кивнул ему головою, которая через минуту, мёртвая и окровавленная, показана была народу».

Больше ему подарить Гринёву было – нечего.

Что это всё? Как всё это называется? Любовь. Но, слава Богу, на этот раз любовь была не к недостойному. Ибо и дворянский сын Гринёв Пугачёва – любил. Любил – сначала дворянской благодарностью, чувством не менее сильным в дворянине, чем дворянская честь. Любил сначала благодаря, а потом уже вопреки: всей обратностью своего рождения, воспитания, среды, судьбы, дороги, планиды, сути. С первой минуты сна, когда страшный мужик, нарубив полную избу тел, ласково стал его кликать: «Не бойсь, подойди под моё благословение», – сквозь все злодеяния и самочинства, сквозь всё и несмотря на всё – любил.

Между Пугачёвым и Гринёвым – любовный заговор. Пугачёв, на людях, постоянно Гринёву подмигивает: ты, мол, знаешь. И я, мол, знаю. Мы оба знаем. Что? В мире вещественном бедное слово: тулуп, в мире существенном – другое бедное слово: любовь.

Вот его, Гринёва, собственные, Пугачёву, слова на прощание: «Слушай, – продолжал я, видя его доброе расположение. – Как тебя назвать, не знаю, да и знать не хочу... Но бог видит, что жизнь мою рад бы заплатить тебе за то, что ты для меня сделал. Ты мой благодетель. Доверши как начал: отпусти меня с бедной сиротою, куда нам Бог путь укажет. А мы, где бы ты ни был и что бы с тобой ни случилось, каждый день будем бога молить о спасении грешной твоей души...»

Это – ещё, пока, благодарность.

Но вот другое, Гринёва, высказывание:

«Не могу изъяснить то, что я чувствовал, расставаясь с этим ужасным человеком, извергом, злодеем для всех, кроме одного меня. Зачем не сказать истины? В эту минуту – сильное сочувствие влекло меня к нему. Я пламенно желал вырвать его из среды злодеев, которыми он предводительствовал, и спасти ему голову, пока ещё было время. Швабрин и народ, толпящийся около нас, помешали мне высказать всё, чем исполнено было моё сердце».

Благодарность? Нет. Так благодарность – не жжёт.

И – третье:

«Но между тем странное чувство отравляло мою радость: мысль о злодее, обрызганном кровию стольких невинных жертв, и о казни, его ожидающей, тревожила меня поневоле: «Емеля! Емеля! – думал я с досадою, – зачем не наткнулся ты на штык или не подвернулся на картечь? Лучшего ничего не мог бы ты придумать»

И слова Гринёва о капитанской дочке Маше: «Чудные обстоятельства соединили нас неразрывно, ничто не может нас разлучить» – куда более относятся к Пугачёву, отца этой капитанской дочки, на его, Гринёва, глазах, вздёрнувшему на виселицу.

Но не только те чудные обстоятельства, не только благодарность, не только влечение к своему обратному – всё это ещё не даёт и не создаёт любви.

Есть одно слово, которое Пушкин за всю повесть ни разу не назвал и которое *одно* объясняет – всё.

Чара.

Пушкин Пугачёвым зачарован.

Часть II. Целостный анализ текста (40 баллов)

Выберите ОДИН из вариантов.

Вариант 1

Прочитайте рассказ Л.Е. Улицкой. Напишите о нём сочинение, опираясь на поставленные вопросы.

В чём заключается смысл названия рассказа?

Черты каких жанров можно найти в этом рассказе?

Какие, по Вашему мнению, чувства и идеи пробуждает в читателе автор рассказа?

Как и с помощью каких художественных средств выражена авторская позиция?

Что Вы можете сказать о языке и стиле рассказа?

Необязательно отвечать на все вопросы последовательно. Вы можете избрать свой путь анализа. Пишите развёрнуто, связно, внятно, свободно.

Людмила Евгеньевна Улицкая (род. 1943)

КАПУСТНОЕ ЧУДО

Две маленькие девочки, обутые в городские ботики и по-деревенски повязанные толстыми платками, шли к зелёному дощатому ларьку, перед которым уже выстроилась беспросветно-тёмная очередь. Ждали машину с капустой.

Позднее ноябрьское утро уже наступило, но было сумрачно и хмуро, и в этой хмурости радовали глаз только тяжёлые, тёмно-красные от сырости флаги, не убранные после праздника.

Старшая из девочек, шестилетняя Дуся, мяла в кармане замызганную десятку. Эту десятку дала Дусе старуха Ипатьева, у которой девочки жили почти год. Младшей, Ольге, она сунула в руки мешок – для капусты.

– Возьмите, сколько унесёте, – велела она им, – и морквы с килограмм.

Было самое время ставить капусту. Таскать Ипатьевой было тяжело, и ноги еле ходили. К тому же за то время, что девочки жили у неё, она уже привыкла, что почти всю домашнюю работу они делают сами – легко и без принуждения.

К старухе Ипатьевой, по прозвищу Слониха, девочек привезли в конце сорок пятого года вьюжным вечером, почти ночью. Они приходились внучками её недавно умершей сестре и были сиротами: отец погиб на фронте, а мать умерла годом позже. И соседка привезла их к Слонихе – ближе родни у них не

было. Ипатьева оставила их у себя, но без большой радости. Наутро, разогревая на плите кашу, она бормотала: привезли, мол, на мою голову...

Девочки испуганно жались друг к дружке и исподлобья смотрели на старуху одинаковыми круглыми глазами.

Первую неделю девочки молчали. Казалось, что они не разговаривают даже между собой, только шуршат, почёсывая головы. Старуха тоже молчала, ни о чём не спрашивала и всё думала большую думу: оставлять их при себе или сдать в детдом.

В субботу она взяла таз, чистое бельё и девочек, волосы которых были заранее намазаны керосином, и повела их на Селезнёвку в баню. После бани Ипатьева впервые уложила их спать на свою кровать. До этого они спали в углу, на матрасе. Девочки быстро заснули, а Ипатьева ещё долго сидела со своей подружкой Кротовой. Выпив чаю, она сказала:

– Господь с ними, пусть живут. Может, неспроста они ко мне на старости лет пристали.

А девочки, словно почуяв, что их жизнь решилась, заговорили сначала между собой, а потом и со старухой, которую стали звать бабой Таней. Они обжились, привыкли к новому жилью и к Слонихе, только с городскими ребятами не сошлись: их игры были непонятны, интереснее было сидеть в комнате, возле швейной машинки, слушать её неровный стук и подбирать лоскутки, падающие на пол: Ипатьева брала работу – если повезёт, то из нового, но больше кому перелицевать, кому починить...

Теперь девочки шли за капустой, и Дуся прикидывала, куда же они её поставят: бочонка в хозяйстве не было. В дырявом кармане Дусино пальто, кроме десятки, лежала ещё и картинка из журнала с нарисованным жёлтым зубастым японцем, замахнувшимся кривым ножом на кусок географической карты.

Подтерев сестре нос, Дуся опустила замёрзшие пальцы в карман и нащупала десятку, скатанную трубочкой.

– Большая, а носа вытереть не можешь, – проворчала она точно так, как это делала Ипатьева, и снова сунула руку в карман. Её замёрзшие пальцы не расчувствовали десятирублёвки и скатали поудобней в трубочку жёлтого японца. Измятая десятирублёвка обиженно скользнула в дыру кармана и полетела вдоль мостовой вместе с бурыми промёрзшими листьями.

Сёстры встали в хвост недлинной очереди. Женщины говорили, что, может, капусту и не привезут, потому стояли только самые упорные. Все другие, простояв минут десять, уходили, обещая вернуться. Девочки тесно прижимались друг к дружке, топали озябшими ногами – ботинки были дарёные, изношенные, тепла не держали.

– Надо было валенки надеть, – сказала Дуся.

– На валенках кошка спит, – отозвалась Ольга. И они замолчали, наговорившись.

Минут через сорок пришёл грузовик с капустой. Его долго разгружали, и девочки терпеливо ждали, пока начнут продавать. Им и в голову не приходило уйти без капусты.

Наконец сгрузили. Раскрылось зелёное окошко, продавщица начала отпускать. Очередь сразу разбухла. Прибежали все: и те, кто занимал, и те, кто не занимал. Девочки всё оттеснялись и оттеснялись в хвост. Они давно продрогли. Временами шёл не то дождь, не то снег. Платки их промокли, но пока ещё грели. Только ноги вконец иззябли. Время уже перевалило за обеденное, и продавщица закрыла окошечко, когда девочки приблизились к нему вплотную. Стоявшая у прилавка тётка начала шуметь:

– Чего закрываешь, когда только открыли?

Но продавщица цыкнула на неё:

– Обед! – И ушла.

Прошёл ещё час. Свет стал убывать. Посыпал настоящий, слепленный в крупные хлопья снег. Он покрывал сутулые спины людей, и спины домов, и кучу бело-голубой, твёрдой даже на вид капусты. От белизны снега стало чуть веселее и вроде светлее.

Вернулась продавщица. Отпустила капусту тётке впереди девочек, и Дуська вытащила из кармана заветную трубочку, развернула её – вместо десятки это была картинка с японцем. Она пошарила в кармане, ничего в нём больше не было. Её охватил ужас.

– Тетенька! Я деньги потеряла! – закричала она. – По дороге потеряла! Я не нарочно!

Краснолицая продавщица, одетая, как капуста, во многие одежды, выглянула из своего окошка вниз, посмотрела на Дусю и сказала:

– Беги домой! Возьми у мамки денег, я тебе без очереди отпущу.

Но Дуська не отходила.

– Дырка у меня! Я не нарочно! – ревела она.

Маленькая Ольга, понимая, что на них свалилось горе, тоже ревела.

– Иди, поищи, может, на дороге найдёшь, – посоветовала темнолицая женщина из очереди.

– Как же, найдёшь, – фыркнул одноглазый старик.

– Не задерживайтесь, чего зря болтать! Эй, девочка, отойди в сторону! – сказал кто-то третий.

Две сгорбленные девочки, по-деревенски замотанные платками, пошли в сторону дома, разгребая ногами кучи перемешанных со снегом и сумраком листьев, нагибались и рыли побелевшими пальцами в хрустящих водоворотах. Старшая горестно, по-взрослому причитала:

– Горе ты моё! Что теперь с нами будет! Прогонит она нас, и куда мы пойдём!

Ольга, опустив вниз углы своего треугольного рта, вторила сестре:

– Куда пойдём...

Стемнело. Укрывши плечи мешком, они медленно брели к дому. Умненькая Дуся всё думала, что бы такое сказать Ипатьевой, чтобы она их не прибила или, хуже того, не прогнала... Украли? Или отняли? Или ещё чего? Сказать «потеряла» казалось ей совсем невозможным.

Ольга всхлипывала. Они подошли к повороту, остановились, собираясь перейти дорогу: деревенская робость перед машинами всё ещё оставалась в Дусе. Навстречу им нёсся грузовик, освещая фарами бежавший перед ним раскосый кусок брусчатки. Девочки стояли. Машина, не сбавляя ходу, резко повернула, под фонарём сверкнул бело-голубым сиянием её груз – высоко вздыбившаяся над бортом капуста. Машина вильнула возле них, рванулась и поехала мимо, сбросив к их ногам два огромных кочана. Они крикнули, стукнувшись о дорогу. Один распался надвое, второй покатился, слегка подпрыгивая, прямо к ногам Ольги.

Они посмотрели друг на дружку – два светло-голубых изумлённых глаза смотрели в другие, точно такие же. Сняли с плеч мешок, которым укрывались, сунули в него цельный кочан и тот, что распался. Дуся не могла взвалить на плечи мешок – был слишком тяжёл. Они взялись за углы мешка. Вострая Дуся подложила под него картонку, и они поволокли его...

Ипатьевой дома не было. Она сидела у подружки Кротовой, плакала, утирая слёзы кривым ситцевым лоскутом:

– Шура, подумай, ведь два раза к ларьку бегала... Пропали, пропали девчоночки мои... Цыгане свели или кто...

– Да найдутся, кому они нужны-то? Сама подумай! – утешала её Кротова.

– Девчоночки-то какие были! Золотые, ласковые... Как же они без меня? А я-то, я-то как без них? – убивалась Ипатьева, комкая промокшую тряпочку.

А девочки в темноте выложили на стол капусту, сели, не раздеваясь, на стул и ждали...

(Из сборника «Рассказы», написаны с 1989 по 2002 гг.)

Вариант 2

Прочитайте стихотворение Ю.К. Балтрушайтиса.

Проанализируйте его, опираясь на поставленные вопросы.

В чём смысл названия стихотворения?

Какие жанровые традиции Вы можете увидеть в этом стихотворении?

Какие художественные приёмы позволяют создать основные образы стихотворения?

Зачем в стихотворении повторы?

Видите ли Вы какие-либо особенности цветовой гаммы и звукового спектра стихотворения?

Как устроено художественное пространство стихотворения?

Каким Вам представляется лирический герой? О чём он думает, что он чувствует?

Необязательно отвечать на все вопросы последовательно. Вы можете избрать свой путь анализа. Пишите развёрнуто, связно, внятно, свободно.

Юргис Казимирович Балтрушайтис (1873–1944)

ЛУННЫЕ КРЫЛЬЯ

Из лунных снов я тку свой зыбкий миг,
Невольник грёз, пустынный душ моих...

И в лунных далях близится межа,
Где молкнет гул дневного мятежа...

И призрачны, безмолвствуя вдали,
Дневная явь и пёстрый круг земли...

И в звёздный час разъятия оков
Я весь – пыланье лунных облаков...

И длится тишь, и льётся лунный свет,
Вскрывая мир, где смертной боли нет...

И тих мой дух, как сладостен и тих
Пустынный цвет пустынных снов моих...

И молкнет мысль, и меркнет, чуть дрожа,
Всё зарево земного рубежа...

И будто тая, искрится вдали
Немой простор в серебряной пыли...

И в тайный миг паденья всех оков
Сбывается алкание веков...

Всё – сон, всё – свет, и сам я – лунный свет,
И нет меня, и будто мира нет!

Максимальное количество баллов за работу – 70.